

Ангелина СИТНОВА

СОБОЛЕВЫ: НЕЗРИМАЯ РУКА СУДЬБЫ

От автора

В селе Смоленском Алтайского края хранят память о замечательном советском писателе Анатолии Пантелеевиче Соболеве — яркой личности, мужественном человеке.

Его отец, Пантелей Петрович, занимал здесь в 1930-х гг. высокую должность секретаря райкома партии. Сын всю жизнь чтит отцовское имя и в рассказах о нем часто терял чувство реальности, потому что отец прожил юность, похожую на мистификацию. Отцу-большевику посвятил Анатолий Соболев повесть «Грозовая степь». Никакая книга потом не писалась им так легко, как эта. Она полна неясными чувствами, первыми догадками о сложности мира и читается на едином дыхании.

Соболев был в отца не только характером, но и сложением. Еще девятиклассником, уступая настойчивым просьбам юноши, военкомат направил его в водолазную школу на Байкал. После школы — семь лет службы водолазом в Заполярье, 3 000 часов под водой. Он поднимал затопленные немецкие суда «Гамбург» и «Ганзу». И писал, писал, писал, и море шумело в его книгах.

Первая повесть «Безумству храбрых» — о войне, о водолазах. Затем — «Какая-то станция», «Награде не подлежит», «Якорей не бросать» и др. И всех своих героев настойчиво поселял до войны на Алтае. Часто потом повторял, что, работая над военными повестями, «держал в зрительной памяти простой обелиск с именами односельчан. А имен тех много, очень много. И погибшие незримо стояли рядом».

Теперь он сам лежит в селе Смоленском рядом с этим обелиском, «незримо рядом» с погибшими земляками.

Более 25 лет в селе работает музей его имени, и располагается он в том доме, где в 1930-х гг. прошло детство Анатолия Соболева. Ежегодно в конце июля проходят Соболевские чтения, на которые съезжаются поэты и писатели со всей страны. Местным литературным объединением «Родники» каждый год к Соболевским чтениям выпускается альманах под тем же названием. В каждом томе есть или отрывки из произведений А. П. Соболева, или воспоминания и стихи, посвященные ему.

Не так давно мне посчастливилось найти личные дневники уроженца села Константина Федоровича Измайлова, которые он вел ежедневно, не пропуская ни дня, с 1923 г. по 8 октября 1941 г., когда ушел на войну и пропал без вести.

Многие события, описанные А. П. Соболевым в повестях, нашли отражение и на страницах этих дневников. Рассказ мой пойдет о самом Анатолии Пантелеевиче, о его отце и деде. Их жизнь, полная приключений, трагических фактов и событий, заняла достойное место в творчестве писателя.

Кочевая жизнь семьи

Деда звали Петром Яковлевичем, бабушку — Александрой Абрамовной, ее выдали замуж за Петра Соболева в 16 лет. Было это в Вятской губернии, откуда в поисках лучшей жизни Соболевы и перебрались на Алтай. В молодости Петр Соболев служил во флоте, побывал в разных странах. В романе «Якорей не бросать» его внук описал, каким был Петр Яковлевич в начале 1930-х гг.:

Дед, уронив красивую, коротко стриженную — чернь с серебром! — голову на руку, затягивал свою любимую:

Ой, по морю, ой, по морю,
Ой, по морю, по морю синему,
По синему, по синему,
По синему, по Хвалынскому

Плывет лебедь, плывет лебедь,
Плывет лебедь — лебедушка белая...

Я слушал красивый, еще без старческой надтреснутости, густой бас деда, видел Хвалынское море...

Дед уже плакал, допевая песню, слезы катились из глаз, светлыми дробинками скакали по жесткой, будто из проволоки, раздвоенной бороде — под «Николашку», как говорил сам дед. Несмотря на наши частые стычки и ссоры, дед меня все же привлекал, видимо своей сильной натурой, колоритной, сказали бы сейчас. От него всегда пахло сырмятной кожей, дегтем и самосадом. Под старость дед совсем ослеп, он так и не смог вылечиться от застарелой трахомы, и сколько отец ни возил его в город к докторам — не помогло.

Петр Яковлевич жил после смерти своей жены, по словам Анатолия Соболева, «у сыновей по очереди, но больше всего у нас: пел, молился, гордился сыном и ругался с ним и каждый день велел вести его в баню, парился до полусмерти, а потом выпивал дома ведерный самовар чаю».

Спал дед на большом дубовом сундуке, на нем и умер в февральский день, «как подобает русскому человеку, христианину — достойно». Ему было 87 лет, а самому Анатолию едва минуло десять, т. е. это был 1936 г. и семья жила в с. Смоленском.

Пантелей Петрович Соболев, отец писателя, родился 20 июля 1897 г. в д. Чудотворихе Ново-Хмелевской волости Барнаульского уезда Томской губернии. Волость эта в 1933 г. переименована в Кытмановский район Алтайского края, а деревня Чудотвориха получила новое название — село Отрадное. В Чудотворихе Пантелей окончил один класс церковно-приходской школы.

В 1929—1930 гг., обучаясь на восьмимесячных курсах районных работников при Сибирском крайкоме ВКП(б) в Новосибирске, Пантелей Петрович сделал попытку описать жизнь своей семьи в начале XX века. Эти записки он затем хранил всю жизнь, а после смерти сына в 1986 г. они вместе с другими документами были переданы родственниками в музей А. П. Соболева в с. Смоленском. Пройдемся по этим запискам...

1906 г. — в семье Соболевых две дочери, два сына-подростка (Иван 13 лет и Пантелей 9 лет) и два грудных мальчика-близнеца.

Подолгу семья на одном месте не задерживалась — из-за этого не имела земельного надела и не входила в сельскую общину. Своей хаты тоже не было — брали внаем старые пустующие дома, где частенько были тусклые окна, земляной пол, грязь и сырость.

Записки Пантелея начинаются с описания очередного переезда семьи на новое место. Вместе с ними тронулись в путешествие еще три семьи — Берестовы, Бредневы и Потаповы (вот откуда взята Анатолием Соболевым фамилия Берестов; в повести «Грозная степь» он дает эту фамилию главному герою, списанному с его отца).

Много позднее, в 1940 г., Пантелей Соболев обратился в сельсовет д. Чудотворихи с запросом о выдаче ему свидетельства о рождении, однако все церковные метрические книги были изъяты советской властью и уничтожены. Тогда дату его рождения подтвердили земляки, в том числе и Андрей Ильич Берестов, с которым Пантелею довелось в 1906 г. путешествовать по Алтайскому краю.

...По дороге семьи разделились: Соболевы остановились в с. Черемном (ныне Павловского района). Сняли дом, купили корову, Пантелея и его брата Ивана отдали в школу. Старшую сестру Пантелея — Фотинью (ей было 16 лет) выдали замуж за Павла Ивановича Лукьянчикова, крестьянина села Лебяжьего.

Казалось, что все устроилось, но скоро заработанные отцом деньги закончились, платить за учебу стало нечем и братьев отчислили, отобрав учебники. Кочевая жизнь продолжилась.

«Отец был плотник, брал подряды строить дома или другое что-либо и нас тоже учил этой работе. Кроме этого, он учил нас грамоте и пению псалмов», — писал Пантелей в своих записках.

Через пять лет семья вернулась назад в Чудотвориху, где еще два года прожили на квартире, пока смогли завести полуземляную избу и лошадь. Женили Ивана, и тот стал строить свое хозяйство. На свадьбу взяли в долг у богатого мужика 15 рублей, которые обязаны были вернуть, но Ивана призвали на военную службу и долг пришлось полгода отрабатывать в батраках Пантелею.

Русский солдат во Франции

Весной 1916 г. и Пантелея взяли в царскую армию. Сначала служил бомбардиром-наводчиком при Томской отдельной батарее. Был Пантелей высоким, здоровым, силу имел немалую: «за колесо возьмется — орудие подымал» (А. П. Соболев, «Якорей не бросать»). В феврале 1917 г. в части, где служил Пантелей, была организована команда для отправки во Францию и передислоцирована в

Петроград, где Пантелей и застал Февральскую революцию. Несмотря на это, корпус, где он служил, переименованный во 2-ю особую бригаду, в июле 1917 г. попал во Францию и сражался против немцев.

«Вот тогда я был направлен во Францию — проливать свою кровь “за веру и отечество”», — напишет Пантелей в своих записках. Царское правительство «продало» 400 000 русских офицеров, унтер-офицеров и солдат в обмен на недостающее вооружение и боевые припасы.

Русских во Франции встречали с цветами. Форма на солдатах была русская, а боеприпасы — французскими. Кормили овощами, салатом, макаронами. Выдали каски, что было непривычно для русского солдата.

Российские части участвовали в битве при Вердене, и 8 000 русских солдат погибли на полях Франции в годы Первой мировой войны.

После принятия советским правительством Декрета о мире солдаты экспедиционного корпуса потребовали немедленного возвращения в Россию. Однако французское командование заявило, что Декрет о мире не распространяется на русские войска за границей. Антанта рассматривала русских солдат как безликую массу, которую хотела определить если не на фронт, то на трудовые работы.

1-я и 2-я бригады экспедиционного корпуса, стоявшие в Ла-Куртин, подняли мятеж, который был жестоко подавлен. Многих солдат депортировали в Россию, а часть, арестовав, отправили на каторгу в Алжир.

Кстати сказать, в составе экспедиционного корпуса русской армии во Франции воевал и будущий маршал и министр обороны СССР Родион Малиновский. 3 апреля 1917 г. он был ранен в руку и получил французскую награду — два военных креста. В сентябре 1917 г. принял участие в восстании русских солдат в лагере Ла-Куртин. В составе 1-й бригады воевал и русский поэт Николай Гумилев.

А Пантелей Соболев попал в Алжир на каторгу, где пленные строили дорогу в песках под охраной французских солдат. Ночью, правда, никто не охранял, но бежать-то было некуда: кругом пески. И все же трое русских солдат решились на побег!

С двумя земляками, Иваном Благовым и Тимофеем Хренковым, Пантелей бежит с каторги. Все время шли на север, пересекли пустыню, добрались до Средиземного моря, кинулись пить — а вода-то соленая... Ну хоть накупались вволю!

Наткнулся на них пастух с верблюдами, отпоил верблюжьим молоком, лепешек дал. Отсиделись солдаты в какой-то пещере, а потом тот же пастух принес им одежду: своя амуниция износилась. На греческом судне в угольном трюме неделю плыли в Грецию. Кочегары их кормили и давали воду. Еда состояла из маслин и апельсинов. Когда добрались до Греции, отмылись в море и пошагали — с января по ноябрь 1918 г. прошли пешком Грецию, Македонию, Сербию, Румынию, Бессарабию, подрабатывая в селах, и пришли, наконец, в Россию.

В марте 1919 г. Пантелей добрался до родной Чудотвориhi, попав из огня да в полымя — 20 мая его снова мобилизовали, теперь в армию Колчака. Служил при Барнаульской батарее рядовым в обозе. С наступающими колчаковскими войсками дошел до Актюбинска, воевал против Красной армии. За агитацию в пользу перехода на сторону красных был арестован и приговорен колчаковцами к расстрелу, но 15 августа 1919 г. бежал вместе с часовым Евлампием Подымиглазовым, своим земляком, которого потом сам, спустя годы, раскулачил.

Целый месяц они скрывались по деревням, а когда в сентябре 1919 г. Красная армия освободила Омск, Пантелей вместе с однополчанином попал в Оренбург, где заболел тифом, и пролежал в военном госпитале в Самаре до октября 1919 г.

Вышел из госпиталя, явился в военкомат — и был зачислен в Туркестанскую армию, которой командовал Г. В. Зиновьев. До мая 1923 г. служил рядовым, окончил курсы командиров на Кавказе, затем курсы дезинфекторов при управлении санитарной части, а в перерывах между учебой на командных курсах Пантелею пришлось участвовать в разгроме армии Врангеля. В 1921 г. Пантелей Соболев был принят в члены ВКП(б).

Принимал он участие и в подавлении Сапожковского восстания в окрестностях Самары — и это еще одна невероятная история! Соболев в составе отряда добровольцев участвовал в подавлении восстания сподвижника В. И. Чапаева — Александра Сапожкова. Весь август продолжались бои с армией Сапожкова, и 6 сентября 1920 г. состоялась решающая схватка, в которой погиб и сам Сапожков.

Заканчивает Гражданскую войну Пантелей командиром роты конной разведки. В память об этих годах он сохранил саблю, о которой его сын Анатолий расскажет в одной из своих повестей.

Возвращение на Алтай

20 мая 1923 г. Пантелей Петрович Соболев был уволен из Красной армии в запас, но еще некоторое время находился на Кавказе, а затем возвратился домой, в Чудотвориху. Здесь его избрали председателем местного сельсовета. Тогда же он становится кандидатом в члены Верх-Чумышского райисполкома, что дало ему возможность набраться опыта для будущей работы.

В конце 1924 г. партия направляет его в Мариинскую волость в качестве «замчлена» Мариинского райисполкома. С удостоверением, дающим большие полномочия, он разъезжает по волостям, принимая меры воздействия к неплательщикам единого сельскохозяйственного налога. Сельсоветы предоставляли ему сведения о крестьянах, не плативших налог, а также обязаны были «без замедления» выделять бесплатные квартиры и подводы для разъезда по волостям. Для безопасности и устрашения Пантелей Петрович получил личное оружие. Тогда, в суровое зимнее время, переезжая из деревни в деревню, он часто слышал рассказы о знаменитом уроженце этих мест — партизане и бунтовщике Григории Рогове.

В 1924—1925 гг. Пантелей Петрович знакомится со своей будущей женой Елизаветой Карповной Пучковой. Елизавета Карповна родилась в Москве 19 октября 1906 г., ее родители — Карп Фомич и Анна Артемьевна Пучковы. На всю жизнь сохранила Елизавета Карповна свой московский говор, а кроме того, имела 7 классов образования. и по грамотности Пантелей ей уступал, а догнал не скоро... Он окончит 7 классов только в 1949 г. в возрасте 52 лет.

Как Елизавета Карповна попала в Сибирь — неизвестно. Известно лишь то, что у нее была родная сестра — Елена Карповна Беспалова; была она то ли фельдшерицей, то ли медсестрой и одно время жила в с. Смоленском в семье сестры, работая в сельской лечебнице. Последние годы жизни она жила в г. Сочи, а Елизавета Карповна переехала к ней после смерти Анатолия Пантелеевича Соболева.

В декабре 1925 г. Пантелей Петрович с женой переезжают в большое село Кытманово. Здесь Соболев занимает разные должности: кассир финчасти райисполкома, заведующий райсо (районный сельскохозяйственный отдел), райзо (районный земельный отдел) и райфо (районный финансовый отдел).

6 мая 1926 г. в семье Соболевых родился сын — будущий советский писатель Анатолий Пантелеевич Соболев. Он остался единственным ребенком в семье.

Жизнь протекала насыщенно: советская власть в те годы часто меняла руководителей на всех значимых постах, давая поработать всего лишь полгода-год, а затем сразу — новая должность. Особенно это касалось членов партии.

...В конце августа 1929 г. Пантелея Соболева направляют в Новосибирск на восьмимесячные курсы районных работников при крайкоме ВКП(б), где лекции о текущем моменте читал курсантам сам Роберт Индрикович Эйхе, возглавлявший крайком ВКП(б) Запсибкрая, и именно здесь произошло знакомство Эйхе и Пантелея Соболева, отразившееся в будущем на судьбе последнего.

На курсах уже 2 сентября 1929 г. Пантелей начал писать воспоминания о своем детстве и юности — это заняло три небольших общих тетради. Записки остались неоконченными: больше у Пантелея не будет столько свободного времени...

В одной из тетрадей есть заметки Пантелея о стихосложении (ямбы, хорей) и как опыт в этом — одиннадцать стихотворений на разные темы. Несколько стихотворений посвящено Великому Октябрю, а одно (шуточное, о борьбе со вшами, одолевавшими курсантов и днем и ночью) 15 февраля 1930 г. было помещено в стенгазете курсов. Пантелей часто писал письма жене, называя ее на французский манер — Лизи, и посылал ей деньги. Стипендии хватало и на покупку одежды для себя. Так, в один из дней он помечает в дневнике, что купил себе костюм 52-го размера за 44 руб. 30 коп.: ему предстояло делать доклад, а надеть нечего...

На курсах Соболев много читал, свои впечатления записывал в дневник. Прочитал классику: «Евгения Онегина» А. Пушкина, «Сын солнца» и «Сердца трех» Джека Лондона, «Утро помещика» Л. Толстого. Только что вышедший роман Ф. Гладкова «Цемент» тоже вызвал у Пантелея большой интерес. И, конечно же, он, как и все слушатели курсов, в октябре 1929 г. подписался на собрание сочинений В. И. Ленина.

Курсы закончились в конце апреля 1930 г., и Пантелей Соболев получил характеристику: «Партийно-выдержан, дисциплинирован. Товарищеское отношение хорошее. Курсы усвоил удовлетворительно, в вопросах ориентируется. Навыки работы над книгой имеет. Активен. Рекомендовать на советскую работу».

Итак, человек, имевший за плечами всего три класса образования (да и то не подтверждено никакими документами) и восьмимесячные партийные курсы, сразу же был направлен в районное село Смоленское Алтайского края на должность председателя Смоленского райисполкома. Такое было время...

Село Смоленское

В это время в Смоленском районе ускоренными темпами шла коллективизация. Если постановлением ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. планировалось завершить ее к осени 1931 г., то секретарь Сибкрайкома Р. И. Эйхе этот вопрос решил ускорить, чтобы закончить коллективизацию на Алтае в 1930 г. Смоленский район был по коллективизации в числе передовых. Но не все было так гладко, как отражалось в отчетах. Именно в апреле 1930 г. здесь распадалась одна из первых коммун.

Вот что пишет в своих дневниках К. Ф. Измайлов:

17 апреля 1930 года. Из коммуны выход до сих пор продолжается массами. Народ узнал то положение, что в коммуну загнали насильно, и такая работа по коллективизации насильным путем невозможна, а поэтому выходят и выходят массами, забирают свои манатки, скот. Уходят не оглядываясь...

Вчера на заседании совета многих исключили из коммуны, многие сегодня подают заявления о выходе. Готовится группа к выходу из коммуны, коллективно 60 человек или больше. Хотят требовать все имущество, внесенное в коммуну, часть посева. Все сельское хозяйство разорено в связи со сплошной коллективизацией, с насильным вступлением в коммуны. Страдаем и голодаем... В нынешнем году, видимо, буду без посева. Коммуна ограбила, забрали все зерно, остался без хлеба.

Председателем райисполкома Пантелей Соболев работал недолго: уже в августе 1930 г. его назначили заведующим орготделом Смоленского райкома партии — фактически это было повышение. В селе Смоленском к 1930 г. уже было электричество, было проведено радио (не говоря о телеграфе, существовавшем здесь с дореволюционных времен), установлено несколько телефонов, работала почта, Госбанк, больница, изба-читальня, народом, библиотека, три школы, агроучасток (а при нем — метеостанция), улицы получили новые названия, а дома были пронумерованы. Начиналось в это же время строительство трех совхозов: Алтайского, Линевского, Верх-Обского.

Из дневника К. Ф. Измайлова:

4 июня 1932 года. Почта теперь так называется: районный отдел связи, а раньше называлась «Почтово-телеграфная контора». Наше село продолжает электрифицироваться, телефонизироваться и радифицироваться. Над селом по всем улицам проведены провода телеграфных, телефонных и электрических линий!

Во всех учреждениях, конторах, организациях, предприятиях и по квартирам районных ответственных работников проведены телефоны, радиоприемники и электричество. Дома нумерованы, имеются названия улиц и переулков.

При народоме, открытом одним из первых в Бийском уезде 14 марта 1920 г., местными артистами-любителями еженедельно ставились спектакли, и одним из ведущих, как бы теперь сказали, артистов был сосед Соболевых — Константин Измайлов. В отдельной тетради он перечислил даты и названия спектаклей, в которых принимал участие: их набралось немало — целых 365!

С 1929 г. в Смоленском функционировал кинотеатр, где немые картины шли регулярно: 20 дней в месяц, по два сеанса в день. Американские картины не были в диковинку. К. Измайлов был большим любителем кино — все названия записывал в дневник. С 1932 г. показ картин сопровождался игрой пианиста.

9 сентября 1931 г. вышел первый номер районной газеты «Ударник полей».

Не проезжали мимо села и знаменитости — так, 31 августа 1930 г. в народоме выступал известный сибирский баянист Иван Иванович Маланин. Причем это был не первый его приезд, но в этот раз его пригласили специально на открытие нового универсального магазина в селе. Народом был заполнен зрителями до отказа.

Из дневника К. Измайлова:

31 августа 1930 года. Сегодня к нам в Смоленское приехал баянист Иван Иванович Маланин. Вечером в народоме концерт. Цены билетам от 50 копеек до 2-х рублей. Билетов заготовлено на 300 человек, на сумму 294 рубля. Билеты распроданы все скоро. Народом полон. 294 рубля Маланину в карман. Ответраспорядителем вечера являюсь я. По окончании концерта на квартире у Маланина устроили вечеринку. Вино, хорошая закуска, песни,

Маланин играл на своем баяне. Ночь темная, погода хорошая. Время провели весело до 4-х часов утра. На вечере были: Маланин И. И., Фильней Александр Николаевич — друг Маланина, балалаечник, Карев, Винокуров, Кыков, Рыжков и я. Прокутили всю ночь!

В 7 часов утра открывались винные лавки, коих было аж три на село: одна — «Центроспирта», вторая — новосибирского АО «Акорт» и третья — местного сельпо. А вот хлеба купить было невозможно... На селе его продажа была запрещена еще с 1924 г., ведь считалось, что крестьяне сами себя могут прокормить, а служащие местных организаций и учителя получали хлеб по пайкам, причем часто даже не печеный хлеб, а муку.

Начало 1930-х — голодные годы не только в районе, но и во всем крае; этот голод ежедневно отмечал в дневниках К. Измайлов. Однажды он пометил, что его мать Анна Федоровна вынуждена была обратиться за куском хлеба к соседям — Соболевым и жена Пантелея Соболева, Елизавета Карповна, дала ей булку. Сами-то Соболевы питались в основном в «закрытой» столовой, находившейся в подвальном помещении райкома партии через дорогу от дома Соболевых. Отменили пайки на хлеб только в 1934 г.

В начале 1930-х началось раскулачивание и борьба с «врагами народа». В число последних попали многие жители района, в первую очередь те, кто не сразу вступил в колхоз, и те, кто высказывался против вступления. Пантелей Петрович по должности вошел в состав местной карающей «тройки». В начале марта 1931 г. начались репрессии по поводу якобы наличия антисоветской группировки в с. Сычевка — смоленский районный партаппарат получил от местного ОГПУ сведения о лицах, участвовавших в сходках. В Сычевке было арестовано несколько десятков человек, в основном малограмотных крестьян от 26 до 67 лет, и 5 июля 1931 г. в Барнауле были расстреляны восемь из них, остальные получили от 5 до 10 лет лишения свободы.

Из дневника К. Ф. Измайлова:

20 мая 1931 года. Среда. Сегодня массовое выселение кулаков из района. Всю ночь и весь день сегодня выселяют: смоленских, точилинских, никольских, колбановских и из прочих сел нашего района. Собралось много народа провожать кулаков. Много разных разговоров, слез, шуму, крику стариков, старух, мужиков, женщин и детей. Милиция всячески старается разогнать толпу, но хлопоты милиции напрасны. В одном месте разгоняют, толпа людей напором прет с другой стороны улицы. Отправляют целыми семьями. Население нашего села в эти дни положительно ничего не делает. Только смотрят на отправляемые партии за партиями. <...>

17 октября 1931 года. Суббота. Единоличники — крестьяне, не вступившие в колхозы, укрывая свой хлеб от сдачи государству (излишки), в потайку навяливают его к продаже своим знакомым по дорогой цене. Пшеницу 10 рублей за пуд, муку 20—25 рублей пуд. Тем самым вредят выполнению плана хлебозаготовок. Также в потайку, воровски режут скот, продают мясо по дорогой цене: килограмм от 2 рублей до 4. Враждебно не хотят сдавать государству и добровольно не вступают в колхозы. Все лишние домашние постройки продают за деньги в зерносовхозы, режут на дрова вполне пригодные амбары, избы, вырубают (у кого имеются) пасеки. Продают лишние телеги, сани, сбрую, лошадей. На вырученные от продажи деньги — пьянствуют целыми неделями, а иногда и месяцами. При разговорах всегда можно слышать от пьяных мужиков: надо пока погулять, попьянствовать, пока не поздно. Все равно пропадать. В колхоз вступишь, гулять не придется, в работу запрягут, имущество отберут. Таковы суждения всех сознательно не вступающих крестьян в колхозы в Смоленском районе. Долгие ночи жители нашего села проводят больше всего в пьянстве: магарычи, крестины, именины — еще не отжившие старые предрассудки. И в воровстве... Воруют теперь мужики сами у себя. Ночами прячут хлеб, режут скот на мясо и т. п. Утром сажают их, а потом и судят. <...>

7 ноября 1931 г. Суббота. Празднование 14-й годовщины Октябрьской революции в с. Смоленском проводится под лозунгом 100 % коллективизации и выполнения плана хлебозаготовок и мобилизации средств на 100 %. А хлебозаготовки на сегодня выполнены только на 37 %. Днем проводится митинг на площади. Участвуют все организации и колхозы села. Погода благоприятная. День теплый. Езда продолжается на санях. Вечером играю на сцене в пьесе «Расплата» в двух действиях. Нардом переполнен до отказа. Буфет, лотерея, потом пьянство, драки, аресты. Пьянство вылилось в открытую форму. <...>

14 февраля 1932 г. Проклятая жизнь! Неужели до самой смерти придется получать паек и так жить, как живу я и все другие люди, живущие честным трудом при современной жизни во времена тяжелой индустрии, во время пятилетки? Жизнь становится невозможной! Момент тяжелый переживает бедное крестьянство, объединенное в колхозы в данное время. Недоедание, нехватки хлеба, и обуви, и одежды. Это заставляет бедняков уходить на отхожие заработки ради куска хлеба. Идут неизвестно куда глаза глядят, туда, где дают полкилограмма черного хлеба... Число нищих по селу, просящих кусок хлеба, все больше и больше прибавляется. Подача им сокращается. Нет хлеба! Самим есть нечего! Проваливай дальше! Сами живем на пайке! Эти песни слышны каждый день, каждый час у нас на селе. Везде и всюду, каждый день только и слышишь одни слова: хлеба нет, есть нечего, как будем доживать? Как будто и жить больше не для чего. А всмотришься в жизнь, путем

разберешься, жить куда с добром можно. И горевать и плакать не стоит. Паяк дают, деньги за работу платят. Вина бери сколько угодно. Живи — не тужи. <...>

24 февраля 1932 г. Среда. Хорошая и благоприятная погода! День ясный, солнечный, тепло. Утром порядочно проспал. На вчерашнем спектакле пробыл до трех ночи. Вчера не выпивали. Нельзя было... Перед спектаклем было торжественное заседание. Приветственные речи, доклады, посвященные 14-летнему юбилею Красной армии. Днем — митинг на площади. Организованным порядком выступили все организации села. С трибуны разносятся приветственные речи! Митинг продолжался два часа. После митинга — манифестация. Играет духовой оркестр, приглашенный из Бийска. По улицам развеваются красные знамена! Только в 1932 году впервые в с. Смоленском так грандиозно и торжественно проходит День Красной армии! <...>

9 июля 1932 года. Суббота. На почте. Снова ненастно, дождик. Коллектив почты уполномочил меня ежедневно получать хлеб на сотрудников. Ежедневно с 7 часов утра и до 10 утра, а то и до 11-ти я занят этим делом — получаю и выдаю хлеб. Сегодня выдали еще чище: просяной (из лузги). Есть совершенно невозможно. Этот хлеб и в рот не лезет. Во время еды не чувствуется, что кушаешь хлеб. Просто землю или песок. Ну и дожили... Это мы-то, в хлебобобовом крае?!

Голодные люди ходят по селу и просят настойчиво, навязчиво, надоедливо до невозможности. Ну, хоть кусочек, крошечку черного хлеба... Их избегают, от них прячутся, запираются на крючок. Закрывают окна, двери, им отвечают через дверь или окно: «Хлеба нет! Подавать нечего! Уходите!» Голодные требуют настойчиво, хоть крошечку, хоть ложечку молока! Хоть луку-батуну... «Ну, хоть дайте водицы попить».

Им в ответ: «Уходите! Вам говорят, уходите! Уходите к черту, вам говорят! Вы надоели, как собаки... Вас сотни, даже тысячи ходят ежедневно... Мы сами голодны, живем на пайке». Плетутся голодные и истощавшие от окна к окну, получая один и тот же ответ...

В местном кооперативе имеется в продаже сахар, масло растительное, чай, папиросы, табак. Это удовольствие, как дефицитный товар, отпускается только: сотрудникам ГПУ, милиции, райвоенкомата, учителям и специалистам. Остальным нет. Вина сколько угодно! Продается в неограниченном количестве и кому угодно!

Новая должность Пантелея Соболева

6 января 1932 г. Пантелей Петрович на 14-й районной партконференции был избран первым секретарем райкома партии, а утвержден в этой должности 4 марта того же года Западно-Сибирским крайкомом ВКП(б).

Из дневника К. Ф. Измайлова:

6 января 1932 г. Среда. Сильный и крепкий мороз. Сегодня готовят нардом, украшают лозунгами, плакатами, развешивают всякого рода диаграммы. Развесили 35 метров красной материи на грязную, запачканную декорацию. Сегодня открывается 14-я районная партийная конференция.

19 января 1932 г. Пантелей Соболев едет в Новосибирск делегатом Западно-Сибирской краевой партийной конференции с правом решающего голоса. На этой конференции произошла еще одна встреча с Р. И. Эйхе. А первым секретарем Пантелей Соболев избирался трижды: на 14, 15 и 16-й конференциях Смоленского райкома ВКП(б).

За время работы в должности заведующего орготделом, а затем — первого секретаря Пантелей Петрович не раз получал выговоры и взыскания. Так, 2 февраля 1931 г. ему был вынесен выговор за отсылку больного в лечкомиссию без предварительного согласования. Затем Сибкрайком ВКП(б) вынес ему строгий выговор за непринятие мер по своевременной хлебосдаче, затем последовало особое предупреждение бюро крайкома за плохую работу по хлебозаготовкам в районе.

Но были и поощрения: 6 августа 1933 г. по представлению Запсибкрая Смоленское ОГПУ вручило Пантелею Соболеву «как стойкому руководителю райпарторганизации» в подарок револьвер-пистолет системы Коровина за № 38083. Перед отъездом из Смоленского в апреле 1937 г. Пантелей Соболев обменял там же в ОГПУ этот пистолет на браунинг за № 438158.

Во исполнение Постановления ЦК ВКП(б) от 10 декабря 1932 г. о проведении чистки членов и кандидатов партии с 1933 г. проходила чистка и в смоленской районной парторганизации. Все происходило как бы на демократической, гласной основе: все жители района имели право объявить свои претензии к тому или иному партийцу, а специальная комиссия принимала уже решение об оставлении в рядах ВКП(б) или об исключении из партии.

Из дневника К. Ф. Измайлова:

24 мая 1933 года. Четверг. Заглянул мельком в свежие газеты, где узнал, что по Запсибкраю начинается чистка партии с 15 мая. Создана уже краевая комиссия по чистке, создаются районные комиссии. <...>

13 августа 1934 года. Понедельник. В 7 часов вечера в помещении нардома начинается «чистка» партии. Сегодня проходят чистку только два коммуниста: Голагузов и Волотова. Из выступлений видно, что Голагузова

из партии исключают, Вологову оставят. Голагузов при чистке скрывает свое прошлое, социальное положение и службу у Колчака. Зал нардома полон до отказа. Вход свободный для всех. Присутствую до 12 часов ночи. <...>

18 августа 1934 года. Суббота. До 12 ночи сегодня снова пробыл на «чистке» партии. Второй день проходят «чистку» коммунисты милиции. Сегодня «чистят» Кошкарева, начальника милиции. Больше полутора часов только задавали ему вопросы из зала. Зал переполнен. Больше трех часов шли прения. Большинство выступавших — ответственные работники. <...>

22 ноября 1934 года. Четверг. Опять весь день и всю ночь прошлую дует сильный снежный буран. Везде снега насадило горы. Чувствую себя очень скверно весь день. Вечером с трудом провел время на репетиции. На «чистке» не смог сидеть. Сегодня проходили «чистку»: Зарва, Пантелей Соболев и другие коммунисты.

На этой чистке Пантелею Соболеву пришлось отчитываться по многим вопросам, припомнили ему и сгоревший райком партии.

Пожар

В ночь на 16 января 1934 г. в селе произошел пожар: горело здание райкома партии. К четырем часам утра все было кончено. Вот как описал этот пожар Константин Федорович Измайлов:

16 января. Вторник. Пожар. Сегодня в 4 часа утра сгорело здание райкома партии. Все, что было в райкоме: обстановка, телефоны, мебель, шкафы с бумагами, делами, книгами — все сгорело. Удалось отстоять только один денежный, секретный ящик. Через окно, и то стоило больших усилий и затруднений тащить прямо из огня, задыхаясь в дыму. Горело не больше часу времени. Был сильный мороз. Погода тихая, ветра не было. Соседние с райкомом постройки отстояли народом. Огонь не пропустили дальше. Пожарные машины быстро застывали от сильного мороза и холодной воды. Пожар возник из низу: внизу была «закрытая» столовая райпотребсоюза. Столовая была на замке и без ночного сторожа. Так все и сгорело. Было и нам жарко, потому что живем по соседству. После работы на пожаре весь промерз, устал и спал очень мало. Чувствую себя на работе в канцелярии на почте слабовато, устаю. На месте, где был райком, остались одни обгорелые развалины, угли, головешки и камни...

О том же пожаре пишет Анатолий Пантелеевич Соболев в повести «Грозная степь»:

Среди ночи кто-то нещадно заколотил по раме. Стекла жалобно звякали, готовые вот-вот рассыпаться. Первое, что я увидел спросонья, — это пляшущие по стенам комнаты кровавые блики. В окне полыхало багровое пламя. Было светло как днем... Я выскочил за ворота и тут только понял, что горит райком. Он был напротив, через проулок. Я застыл на месте. Из окон отцовского кабинета валили дым и пламя... Площадь перед райкомом была пуста... Вскоре приехали пожарные. В бочках не оказалось воды. Поскакали на Ключарку. Потом качали помпы и жидко брызгали из брандспойтов... <...> Вот среди пламени что-то зачернело в окне, и через подоконник перевалился окованный железом купеческий сундук. Это отцовский сейф. В нем важные документы. Едва смельчаки успели выскочить, как рухнул потолок. Огненные брызги тугой струей ударили вверх и в стороны. Стало еще ярче и жутче...

Теперь известно, что одним из смельчаков был сосед Соболевых К. Ф. Измайлов...

Накануне пожара Пантелей Петрович привез из Бийска Елизавету Карповну, перенесшую тяжелую операцию, и снова уехал в Бийск в колхозную школу; вернулся в село только на следующий день. Из дома Соболевых вынесли все вещи — боялись, что огонь перекинется на дом. Елизавета Карповна, которой нельзя еще было вставать, при пожаре вышла из дома, и у нее лопнули послеоперационные швы. Ее унесли в дом председателя райисполкома Лазарева, и здесь на кухонном столе хирург местной больницы Антонин Павлович Успенский наложил швы заново. В рассказе «Тополиный снег» Анатолий Соболев вывел этого хирурга под именем Семена Антоновича Заовражного.

В огне сгорела опись имущества раскулаченных, поэтому сразу после пожара начали искать виновных. Нашли быстро — ими оказались две женщины, поварихи из «закрытой» столовой: они не потушили огонь в печах, а сторожа при райкоме не было (милиция-то напротив!).

Уже 20 января 1934 г. Смоленский нарсуд осудил поварих: одна, по фамилии Уразметова, была приговорена к двум годам лишения свободы, другая — Коптева — к одному году принудительных работ за неосторожное и невнимательное отношение к своим обязанностям.

Через какое-то время из Новосибирска приехала комиссия разбирать дело о пожаре, члены комиссии пришли домой к Соболевым. Пантелей лежал дома больной, а до этого в больнице: он был отравлен мышьяком, подсыпанным в муку, из которой напекли лепешек, которые Пантелей очень любил. Отхаживал его в больнице все тот же Антонин Павлович Успенский.

Комиссия начала пугать Пантелея лишением партбилета за пожар, за сгоревшие документы, за то, что затягивает с ликвидацией единоличных хозяйств, но во время разбирательства в село приехал Р. И. Эйхе, который и встал на защиту Соболева — в результате за пожар вынесли Пантелею только выговор, партбилет не отобрали.

Первый секретарь крайкома Эйхе в село Смоленское приезжал неоднократно; об этом писал в повести «Грозовая степь» и Анатолий Соболев. Он считал, что его отец и Эйхе чем-то были похожи: «Оба высокие, в длинных кавалерийских шинелях и оба идут размашистым быстрым шагом. Только отец пошире в плечах и потяжелее на ногу». Шинель Пантелею подарил сам Эйхе.

...А на месте пожарища буквально сразу же началось строительство нового здания для райкома партии, к апрелю 1934 г. оно было выстроено (12 комнат), а летом того же года работники райкома в него переехали.

Разрушение церкви

Из дневника К. Ф. Измайлова:

1 мая 1932 года. Воскресенье. Пасха. Погода неблагоприятная. День пасмурный и очень холодный. Погода сухая. В 12 часов дня на площади многолюдный митинг. Говорят приветственные речи: секретарь райкома партии Пантелей Соболев, предрика Алмакаев и много других товарищей от местных организаций. Говорят о достижениях, о пятилетке, об уравниловке, обезличке, о 100 % выполнении сева. А о том, что голодают рабочие, колхозники, служащие (не говоря уже о единоличниках), — не говорят...

После митинга полилось рекой вино по селу! Запили и ответработники, коммунисты, служащие, рабочие, колхозники, единоличники в честь 1 Мая! И сегодня, кстати, первый день Пасхи.

Церкви в районе еще стояли, и службы в них проходили вплоть до 1934 г., когда из-за нехватки помещений их стали использовать в качестве зерноскладов.

В рассказе «Тополиный снег» Анатолий Соболев пишет о высокой сельской церкви, «куда влезли однажды мы (мальчишки. — А. С.) и впервые испытали чувство высоты, задохнулись от счастья и страха и увидели под нами село... Мы долго не решались тронуть колокол, висевший на перекладине, белой от голубинового помета, а когда тронули, низким утробным гудом отозвалась медь».

Из дневника К. Измайлова:

7 января 1936 года. Вторник. Погода установилась хорошая, ведренная. Дни ясные, солнечные и не очень холодные. Морозы средние. День, как всегда, рабочий, и первый день Рождества. По-старому сегодня Рождество (25 декабря). Никем не празднуется. Не слышно, как бывало раньше, с 12 ночи колокольного звона. Колокола с церковью уже давно сняты, церкви заняты под складские помещения, хлебом засыпаны. Не ходят по домам с крестами. Но пьянство сохранилось до настоящего времени... Многими еще верующими справляется Рождество, только уж не в духе ради Рождества, а ради того, чтобы найти причину, с чего начать пьянствовать. Попьем, поживем, а потом и померем, а там всему конец... <...>

12 апреля 1936 года. Воскресенье. Все еще зима. Нет признаков весны, холод. По-старому сегодня Пасха, большой праздник (это было раньше). В настоящее время день обычный, выходной. Торгуют магазины, базар. Работают некоторые учреждения.

Полдня простоял у церкви. Кресты сегодня снимают с церкви. Один крест сняли. Народу собралось очень много. У всех внимание сосредоточено только на колокольную. У самого креста с топором в руках, обвязанный веревками, ломает крест некто Сергиенко, молодой парень, учитель, бывший комсомолец. Крест сняли. Народ стал расходиться по домам...

Момент снятия креста с церкви Анатолий Соболев описал в «Грозовой степи». Аркадий Сергиенко выведен здесь под именем Васи Проскурина. В 1970 г. Аркадий Иванович Сергиенко, уроженец села Смоленского, будучи в отпуске, по рекомендации своей бывшей учительницы Калерии Анатольевны Шебалиной прочитал эту повесть и узнал себя в ней. Стал искать встречи с Анатолием Пантелеевичем, и между ними завязалась переписка.

Решение о снятии креста и закрытии церкви окончательно было принято райкомом партии, конечно не без участия Пантелея Соболева. Смоленскому сельсовету было поручено снять кресты и начать разбирать церковь. Сам Пантелей Соболев мог также находиться в толпе, как и его сын Анатолий, следить за этим событием, а мог смотреть и из окон райкома партии, откуда церковь была хорошо видна.

Сразу после Пасхи церковь начали разбирать — делали это аккуратно, спуская кирпичи по деревянным желобам, используя сразу в дело: в это же лето из церковного кирпича был построен в

селе роддом (теперь это поликлиника). Из этого же кирпича построен ветучасток и торговая баня, служившая селу более 50 лет.

В октябре того же 1936 г. чекисты «вскрыли» в Смоленском новую контрреволюционную организацию. Начальником райотдела НКВД в это время служил младший лейтенант Картушин. В одном из писем Аркадию Сергиенко Анатолий Пантелеевич интересовался: не знает ли Аркадий о судьбе Картушина? Неспроста он спрашивал об этом. Видимо, что-то отец ему рассказывал о Картушине, который выведен в «Грозовой степи» под фамилией Мамочкина, а в романе «Якорей не бросать» под именем Картузина. В этом романе Картузин застрелился.

Сначала семья Соболевых жила на улице Школьной, 83, а в 1932 г. Пантелею Петровичу, как первому секретарю, выделили большую по тем временам квартиру по ул. Советской (теперь музей А. П. Соболева). С этого времени Измайловы и Соболевы становятся соседями.

В селе Смоленском Анатолий Соболев пошел в первый класс и свою первую учительницу Калерию Анатольевну Шебалину помнил всю жизнь, переписывался с ней, посылал ей свои произведения, навещал ее, когда приезжал в село.

Несколько раз с женой и сыном Пантелей Соболев отдыхал на курорте Белокуриха, благо тот совсем рядом. Была мечта у Пантелея: построить в Белокурихе пионерский лагерь для всех детей района. Видимо, эта его мечта частично осуществилась: его сын вспоминал, что каждое лето бывал там с ребятами из села.

Из дневника К. Ф. Измайлова:

2 июля 1930 года. Суббота. Ново-Белокуриха. Как следует выспался, отдохнул. Встал в 8 утра. Порядочно поспал с дороги. Остановился на квартире у почтового агента. День жаркий.

С 9 утра и до двух дня сижу за работой в сельском Совете. В два часа выхлопотал себе обед. Завхоз курорта тов. Михайлов один обед разрешил. Обедаю в санаторной столовой. Обед из трех блюд, лучше и быть не может: первое — суп с вермишелью, второе — жареное мясо с подливом и молочная каша, третье — сладкое. Наелся досыта. Потом отдыхаю два часа. В половине пятого иду в горы, иду на одну из высоких гор, которую видно из Смоленского.

Красота. Неописуемая красота здесь. Долго мучила жажда, пить страшно хотелось: от воды я поднялся высоко в горы. Свое желание я исполнил: побывал в прекрасное время года на курорте Белокуриха, походил по крутым горам, ползая по камням. Был на Церковке. Был далеко от курорта в глухом ущелье между крутых высоких гор. Путь здесь только пеший и на верховых не проберешься. Ужинаю в столовой курорта. В саду играет музыка, массовое гулянье отдыхающих. <...>

15 июля 1936 года. Среда. День ненастный сегодня. После обеда линул такой сильный [дождь], какого не было еще этим летом: лил как из ведра. Под вечер гремит гром со всех сторон, молнии сверкают. Утром сегодня к 7 часам была истоплена своя баня. Это по случаю отправки Володи в лагерь на курорт Белокуриха. Сегодня утром он со школьниками 4-й группы уехал на 20 дней в пионерский лагерь. Поехали все школьники на автомашине.

Константин Измайлов говорит здесь о своем племяннике, будущем поэте Владимире Алексеевиче Измайлове, который после ранней смерти отца, родного брата Константина Федоровича, воспитывался в его семье. Володя Измайлов — одноклассник Анатолия Соболева и его одноклассник. Писать он начал еще в школе, первые стихи публиковала местная газета.

Семья Измайловых дала Родине не только писателя, но и знаменитого на весь мир музыканта — Льва Николаевича Михайлова, кларнетиста и саксофониста. Матерью Льва была младшая сестра Константина Измайлова — Анна Федоровна. Маленьким мальчиком Лев Михайлов приезжал в село Смоленское, навещал свою бабушку и тетю, да и в зрелые годы вместе с двоюродным братом Владимиром Измайловым бывал здесь.

Богата оказалась смоленская земля на творческих людей. Надо сказать, что одновременно с Соболевыми, летом 1930 г., в село приехал писатель Александр Михайлович Демченко. Он окончил учительские курсы, получил направление в Смоленский район, а отсюда — в соседнее село Песчаное учителем, а затем и директором школы.

Пантелей Соболев и Александр Демченко были хорошо знакомы. Стихи и небольшие рассказы Демченко также печатала на своих страницах местная газета. В 1938 г. Демченко был арестован и получил восемь лет лагерей, но через четыре года в разгар войны был освобожден и попал на фронт. После войны он вновь возвратился в Смоленское, поселился с семьей на ул. Школьной, в доме, где до 1932 г. жила семья Соболевых.

Последний год в селе Смоленском

В мае 1937 г. Эйхе вновь был в Смоленском районе. Из дневника К. Ф. Измайлова:

12 мая 1937 года. Среда. День необыкновенно хороший, теплый, тихий и ясный. Днем определенное время просидел за основной работой в Госбанке. После опять до потемок работал дома — в огороде копал. В эти дни в наш район приезжал секретарь крайкома тов. Эйхе. Побывал в некоторых селах и, говорят, на колхозных полях. Вчера в райкоме партии проводил совещание с председателями колхозов. Кое-кому дал по заслугам.

В этот приезд Эйхе предупредил Пантелея Соболева, что на него поступают доносы, советовал уехать из села и сам же отозвал его в Новосибирск. Сменивший Пантелея на посту первого секретаря Зарва выдал ему удостоверение о том, что он отзывается из смоленской парторганизации в распоряжение крайкома ВКП(б).

Когда семья Соболевых уже была готова к отъезду — связаны узлы, набиты чемоданы, защита в мешковину швейная машинка Елизаветы Карповны — на следующий день собирались уезжать, — в дом пришел Картушин, начальник НКВД, с которым Пантелей крепко дружил. Отозвав Пантелея на улицу, он намеками дал понять, что уезжать надо немедленно. И в тот же вечер Соболевы уехали.

На переправе через реку Катунь у с. Катунского уговорили паромщика перевезти их на другой берег. Тот долго отказывался (паром не ходил после 10 часов вечера), но потом согласился. В Бийске переночевали и утром поездом уехали в Новосибирск. Их никто не преследовал.

Несколько месяцев Пантелей Соболев жил с семьей в Новосибирске, заведовал сектором кадров Запсибкрайздрава. В этом тоже посодействовал Эйхе, который руководил краем до осени 1937 года. В сентябре 1937 г. Пантелея переводят в районное село Болотное Новосибирской области — исполняющим обязанности председателя райисполкома.

Село Болотное — железнодорожная станция Томской железной дороги. Здесь семье дали огромный дом из шести комнат. Занимали только две, четыре остальных пустовали. До них в этом доме жил врач, арестованный по линии НКВД. В одной из комнат стоял большой шкаф, набитый книгами. Анатолий Соболев увлекся чтением и читал все подряд.

Пантелей Петрович, как председатель райисполкома, постоянно был в разъездах, и жена с сыном неделями жили одни в большом доме. На станции было беспокойно: ходили слухи о бандах, грабили квартиры у соседей.

У Пантелея Петровича что-то не ладилось на работе, возвращался всегда хмурый, усталый, жаловался, что район запущен, зерно хранить негде, кормов может не хватить. Если начнется падеж скота — голову снимут.

И вот 26 января 1938 г. Соболев был освобожден от должности председателя райисполкома с формулировкой «по болезни». С этого времени в его биографии появляются «темные пятна». Четыре месяца после увольнения он не работает, действительно болеет. А в апреле 1938 г. арестовывают Р. И. Эйхе...

Соболевы остаются жить в Болотном. Пантелей работает директором местной колхозной школы, Елизавета Карповна вечерами учится в этой же школе в 7-м классе. Сын Анатолий оканчивает здесь 6 классов.

29 июня 1939 г. Пантелей Соболев увольняется с должности директора школы, как сказано в трудовой книжке — «вследствие переброски на работу в г. Сталинск» на основании распоряжения Новосибирского обкома ВКП(б). Это была только формулировка, на самом деле смена места жительства давала возможность уйти от присмотра органов НКВД.

Соболевы переезжают в Сталинск, поселяются на его окраине в бараке, где жили какие-то родственники. Пантелей несколько месяцев не работает, но наконец устраивается в сентябре 1939 г. «ответисполнителем», т. е. экспедитором, в цех ширпотреба Кузнецкого металлургического комбината им. Сталина. Появилась надежда получить квартиру. Соболев ездил по всему Советскому Союзу, закупая и отправляя мелкими партиями по железной дороге наждачные круги, полотна ножовок и другие необходимые материалы и инструменты для нужд завода.

Анатолий Соболев сразу же пошел в очередной класс школы, увлекся рисованием, авиацией. В стране уже чувствовалось дыхание войны. Было голодно, не хватало хлеба. «По ночам люди отстаивали в огромных очередях и в стуже — усталые, плохо одетые. Стояли со взрослыми и дети», — писал потом Анатолий Соболев в повести «Предгрозье».

В последующие годы места работы Пантелея Петровича меняются часто. Полгода он председатель артели, затем — уполномоченный по заготовкам. Снова разъезды — теперь уже по

сбору металлолома для нужд фронта. Война была в полном разгаре. Пантелея несколько раз вызывали в военкомат, признавали годным к строевой службе, но в 1943 г. выдали бронь. На войну он не попал.

Зато сын Анатолий, ученик 9-го класса, подает заявление в военкомат, и там уступают просьбам высокого, стройного, крепкого парня — направляют хотя и не на фронт, но в водолазную школу на Байкале.

Во время войны и после Пантелей Петрович продолжал работать уполномоченным по заготовкам вплоть до 1954 г., но квартиру семья так и не получила. Купили свой дом в районе Сад-Города на улице Верхне-Восточной, № 1. Елизавета Карповна нигде не работала.

24 июля 1945 г. Пантелей Петрович был награжден орденом Отечественной войны II степени. В 1949 г. в возрасте 52 лет он оканчивает семь классов школы рабочей молодежи.

В 1950 г. ему было присвоено персональное звание «Советник заготовительной службы 2-го ранга», в 1951 г. дали медаль «За трудовое отличие», дважды избирался Соболев депутатом Кузнецкого районного Совета теперь уже города Новокузнецка, бывшего Сталинска.

В 1953 г. П. П. Соболев был признан инвалидом III группы (пенсия 99 рублей). Стал часто болеть, прогрессировал полиартрит, появилась глаукома. В следующем году он обратился в бюро Кузнецкого райкома КПСС Кемеровской области с просьбой о назначении ему персональной пенсии. Однако в этом ему было отказано. Пантелей Петрович в это время работал начальником отдела заготовок молкомбината.

20 июня 1957 г. Соболеву Пантелею Петровичу исполнилось 60 лет. В его трудовой книжке появилась последняя запись: «Освобожден от занимаемой должности в связи с переходом на пенсию по старости». В декабре 1957 г. Пантелей Петрович умирает после операции по удалению аппендикса. По некоторым воспоминаниям — из-за халатности врачей, оставивших в операционной ране инородное тело.

Елизавета Карповна пережила мужа на 33 года и умерла в 1990 году в г. Сочи.

Похоронили П. П. Соболева в Новокузнецке. Его сын Анатолий Пантелеевич очень жалел в последующие годы, когда стал признанным писателем, что не дожил отец до этого и не увидел его книг. Отец не успел прочитать ни одного его произведения, хотя самые первые небольшие рассказы Анатолий Пантелеевич начинал писать при его жизни. Тогда отец подарил ему большую амбарную книгу и сказал: «Пиши, может, и правда что-то получится».